

ЕКАТЕРИНА КАКУРИНА

Финалист премии «Лицей» 2020

ГРЕШНОВАТО

27,4%

УГОДНО

8,5%

НЕУГОДНО

2,1%

ОХ БАТЮШКИ

16,2%

45,8%

СПРАВНО
ДЛЯ ПАДНО

Теперь я буду
работать
на православие!

18+

МАРКЕТОЛОГ ОТ БОГА

Азбука. Голоса

Екатерина Какурина
Маркетолог от Бога

«Азбука»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Какурина Е. В.

Маркетолог от Бога / Е. В. Какурина — «Азбука»,
2024 — (Азбука. Голоса)

ISBN 978-5-389-26936-1

2013 год. Надя и Соня не так давно перебрались из Петербурга в Москву. Лучшие подруги довольны жизнью: вечеринки до самого утра, полуночные прогулки по сугробам, нехитрый совместный быт. Но однажды Надя, талантливый маркетолог, решает сменить место работы. По чистой случайности она устраивается в фирму, занимающуюся производством православных ювелирных украшений. Не зная ничего о православной культуре, Надя то и дело оказывается в забавных ситуациях и долго не может привыкнуть к профессиональному сленгу («Девочки, не знаете, Господь с апостолами уже пришли на склад?»), но чем дальше, тем больше ей становится симпатичен этот мир. Главная героиня чем-то напоминает Флибэг из одноименного сериала: она обожает крутить романы и у нее «второй взрослый разряд по изменам». Новая среда, а главное – ее новый знакомый Никита заставляют Надю переосмыслить свое отношение к любви. Параллельно назревает драма: Надя и Соня влюблены в одного парня, того самого Никиту. Отныне они проводят все время только втроем, и Надя окончательно запутывается в своих чувствах. «Маркетолог от Бога» – это «Разговоры с друзьями» в Москве начала 2010-х годов, пронизанные ностальгией по тому времени. Екатерина Какурина окончила Высшие курсы Литературного института имени Горького. Выпускница магистратуры филологического факультета НИУ ВШЭ по программе «Литературное мастерство». Финалист литературной премии «Дебют» (2010) и премии «Лицей» (2020).

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26936-1

© Какурина Е. В., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Екатерина Какурина

Маркетолог от Бога

Моему мужу

© Е. В. Какурина, 2024

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

Глава 1

Вообще, я не собиралась менять работу. Мне нравилось работать дома, вставать без пяти десять. Включать компьютер, причесываться одной рукой, а другой застегивать пуговицы на белой рубашке и так садиться за стол: сверху выглаженная рубашка, внизу – розовые пижамные шорты в белый горошек. Выходить в скайп на связь с директором обсуждать задачи на день. Мне нравилось, сидя на кухне в носках и трусах, оформлять по телефону сделки на двести тысяч. И завтракать с одиннадцати до двенадцати мне тоже нравилось. Красить глаза по часу каждый, а потом наспех одеваться и бежать на склад. Движением руки направлять в зону отгрузки огромные фуры, набитые мебелью, и командовать рабочими. Тогда мне казалось, что жизнь удалась. В компании меня любили, потому что я ни разу не назвала клиента лохом и не послала в пень. Учитывая уровень сервиса наших конкурентов – других интернет-магазинов, – этого было достаточно. И все было хорошо. Но.

– Знаешь, что я думаю? – спросила Соня.

Я не знала.

– Мне кажется, тебе могли бы платить больше. – И посмотрела на меня, прищурившись. Да, это правда. Могли бы. Могли бы как миленькие. Я молодой, безотказный, дико талантливый специалист, которого еще поискать. В конце концов, именно я подняла на ноги московский филиал питерской мебельной фирмы, и мой интернет-магазин сейчас в топ-пять по оборотам – ну разве я не заслужила аплодисментов или хотя бы удвоения оклада? Заслужила, но, кажется, моему любезному директору все равно. Скорее всего, он ответит мне: «Шиш». Я ведь уже спрашивала пару раз. Ладно, семь.

– Пожалуй, ты права. Кину резюме на «Хэд Хантер», – ответила я.

Итак, я – величайший интернет-маркетолог *нашей с вами современности* – выхожу на тропу в поисках работы мечты.

– Круто! – сказала Соня и от радости привстала с дивана. – Я напишу тебе резюме!

Соню недавно отчислили из Российской экономической школы, и она судорожно искала себе занятие. В тот день она ходила по комнате взад-вперед, загибала пальцы и быстро говорила: «Так. Это круто. Теперь я могу заняться чем хочу. Могу прочитать Джойса в оригинале, могу ходить на семинары по Витгенштейну, так, могу записаться в тренажерный зал, могу начать писать дневник каждый день... Боже мой! Я даже могу пить!» В итоге мы плотно занялись только последним. Ну и в зал она записалась. Это да.

– Желаемая зарплата, – читаю вслух, сидя над резюме. – Сколько?

Соня ответила: «Пиши сто тысяч миллионов. Мы же в Москве, е-е-ехоу!» В тот вечер мы уже нормально накинулись черно-белым ликером, который ее брат привез из Испании. Брата с нами не было, он живет в Питере. И в квартире не было никого, кроме серого кота по имени Эрик, который драл наши обои, и мы его за это прозвали Педрилой. Но мы любя. Он нас тоже любил, это выразалось в том, что он никогда не гадил в комнате, строго только в коридоре.

Короче, написала я резюме, а там, глядишь, и четыре утра, мы с Соней легли в кровать, начали строить планы на будущее, вспоминать прошлое, смеялись, растрогались, заснули.

Я проснулась от звонка.

– Алло, – бодренько отвечаю, как будто и не засыпала.

– Надежда? Меня зовут Мария.

Мария? Правда? Просто голос мужской.

– Та-ак... – говорю.

– По поводу вашего резюме. Удобно подъехать на собеседование?

И мы с мужиком по имени Мария договорились на завтра, в девять часов утра. Метро «Третьяковская». Это центр, совсем рядом со мной. Сто пият миллионов! Ехоу-у!

Ну вот, насчет собеседования договорилась, теперь можно посмотреть в окно. Час смотрела в окно. На улице пурга. Столько снега...

Я думаю, это конец света, хотя календарный конец света обещали два месяца назад, в конце две тысячи двенадцатого, но это же Россия, здесь всегда так. Лето в прошлом году тоже на два месяца задержалось.

Я смотрю в окно на небоскребы бизнес-центра «Белая площадь». Через полчаса становится не видно... вообще ничего. «Белая площадь» такая белая.

Соня проснулась. У нас хорошее настроение, мы долго ленимся. Полчаса играем с котом по очереди. Соня не пошла в универ за обходным листком, хотя вчера собиралась. День быстро пролетел – за окном было и так темно, а потому толком и не стемнело. Пришло время стряпать ужин. Получилось вкусно, я старалась. Я вообще научилась готовить все известные супы, мясо, рыбу, гарниры, пока работала дома. Раньше моим фирменным блюдом была лажанья. Не путать с лазаньей. Лажанью можно сделать из любых продуктов, которые вы залажали. Например, из подгоревшего борща с полусырой капустой или из курицы, зажаренной в кастрюле до углей. Но сейчас все съедобно. Сегодня русский стиль: молодая картошка со сливочным маслом и зеленью, селедочка и салат из свеклы с черносливом и орехами.

Соня пускала слюни и вилась рядом, а я била ее по рукам: «Погоди, петрушку добавлю».

Готово. Мне казалось, что не хватает соленых огурцов.

Соня вышла из душа и сказала, что не хватает водки. Я переспросила:

– Водки?

– Водки.

Не-е. Ну мы же приличные вроде девушки. Водки? Не-е-ет. Мы же не алкоголики. Забавно. Водку мы еще вместе не пили.

Соня говорит:

– Если хочешь, я схожу.

– Да ладно, не смей меня... А у тебя голова мокрая?

Соня пошла в магазин и вернулась с бутылкой «Столичной». Со стороны это выглядело так, как будто мы начали спиваться, потому что ее отчислили из университета, а мне слишком мало платят. Грустно, что я не могу сказать «на самом деле все иначе». Но нам весело в этой снежной крепости под названием Москва, мы есть друг у друга, и впереди что-то новое.

Начали. Мой тост: «Чтобы те времена, которые мы сейчас переживаем, в будущем стали нашими самыми приятными воспоминаниями». «Одними из самых приятных, – поправила Соня, – я хочу еще более приятных».

Я согласилась. Мы выпили. Водка теплая и очень мерзкая. Покашляли. Соня отнесла бутылку в морозилку. Сидим и разговариваем. Я смотрю то на ее толстые колени, то в ее карие глаза. Она похожа на мою подругу детства: такие же тонкие темные волосы, которые никак не растут ниже плеч, секутся и срезаются – терпения не хватает. Еще у Сони очень бледная кожа. Однажды в Питере я спала у нее в гостях, проснулась ночью и увидела ее лицо в свете луны. Это могло быть поэтично и красиво, но я до смерти испугалась. Мне показалось, что это гипс, что, пока я спала, Соня подложила мне в кровать гипсовую куклу, а сама сидит в углу и хихикает в кулачок. Но нет, это Соня такая бледная. Кажется, я сейчас описала какого-то уродца: бледная брюнетка с секущимися волосами и толстыми коленками. Нет, Соня довольно милая.

Мы навернули еще водки, но уже холодной и с апельсиновым соком. Соня предложила пойти гулять и валяться в снегу. Я задумалась.

В итоге – какой-то пустой парк. Под снегом спят цветочные клумбы, кованые лавочки. Очень красиво, только не видно ничего. Памятник? Кому? Идем к нему и проваливаемся. По колено в снегу, по пояс в снегу, снежинки за шиворот, хохочем, она все снимает на телефон

(зачем?), валимся в снег, задыхаемся от смеха. Забрасываем друг друга снежными волнами, мы уже совсем охрипли, поднимаемся, я отряхиваю ее пальто. Она говорит: «Не надо, все нормально», но на самом деле у нее сзади все белое – от воротника до пяток. Идем дальше. Голова кружится. Вокруг очень красиво...

Не думала, что в центре Москвы есть место, где можно поваляться в снегу, но этот парк идеально подходит. Хотя, наверное, после бутылки «Столичной» найдешь такое место везде.

Проходим мимо снежных гор. Черные дороги с желтыми фонарями и эти сине-белые троллейбусы. Пустые улицы в снегу, и мы тоже все в снегу. Заходим в бар «Дорогая, я перезвоню». Мало людей, все какие-то некрасивые. С «Дорогой» все понятно, уходим. Садимся в такси, которое Соня ловит криком «Извозчик!» и щелчком пальцев.

Мы дома, и Соня говорит:

– А давай позовем Никиту?

– Давай. Я не против. Никита милый.

– Да, Никита милый... – повторяет Соня.

– Он на щеночка похож.

– Почему? Потому что глаза карие?

– Точнее, он похож на молодую овчарку, знаешь, у которой тело выросло, а глаза еще щенячьи.

– Да. Он юный... у него даже кожа другая, не такая, как у тебя. И он такой непосредственный.

Так и сказала «не такая, как у тебя», слышали? Кожа ей моя не нравится, видите ли. Стерва. Ладно. Ей повезло, что я отходчивая.

– Прямо наш с тобой любимый типаж, – говорю. – Непосредственный. И кожа. Как у щенка. На животике.

– Ох уж эти щенки с мягкими животиками.

Мы смеемся и переглядываемся горящими глазами. Никита – ее новый знакомый, который учился на втором курсе «собаки». Я недавно узнала это слово, и мне нравится им щеголять. «Собака» – значит «совместный бакалавриат Российской экономической школы и Высшей школы экономики». То есть он учится в двух лучших вузах одновременно. Это очень круто, Соня так сказала. Никита, кстати, тоже из Питера, но встретились они с Соней в Москве, в лифте РЭШки. Она спросила, есть ли у него зарядка для айфона. У него не было ни зарядки, ни айфона. Потом они познакомились, потом он пришел к нам в гости, сейчас второй раз придет.

Вот что удивительно: мы втроем жили в Питере на соседних улицах. Я и Соня ходили в бассейн напротив дома Никиты. Никита ездил на «Владимирскую» играть на гитаре с одноклассником, а я работала в офисе в этом же здании. Наверняка мы проходили близко. Возможно, черными глазами на нас смотрел Достоевский в камне на площади, мы были рядом, но не были знакомы. Встретились мы в Москве.

Собственно, в первый раз мы только тем и занимались, что перечисляли места, где могли встретиться, но не встретились. А еще краснели. Первое, что мы сделали, когда познакомились с Никитой, покраснели. А потом он залез под стол. Ну, не сразу. Я сказала, что стол шатается и раз уж ты, парень, пришел к нам в комнату, то глянь, чего там. И он мигом залез под стол. Это было удивительно и мило. Он сказал из-под стола, что нужна крестообразная отвертка. Я дала ему такую. Нет, эта отвертка не поможет. Что, недостаточно крестообразная? Нет, дело в том, что у вас полы кривые, на этом мои полномочия все. К тому моменту мы уже раскраснелись до неприличия.

Забыла сказать: Никита отлично вписывается в нашу компанию неудачников – его недавно бросила девушка.

Хватит про Никиту. Он уже пришел. Сидим втроем под высоким потолком и пьем вино. Приключения петербуржцев в Москве. Каждый привез с собой кусочек меланхолии, интеллигентности, серого дождя. Меня и Соню уже немного отпустило от водки. Говорим про литературу. От Бунина к Толстому, от Толстого к Достоевскому. И был такой спор, который я запомнила, потому что... поймете почему.

Интересный получился разговор. Мы начали с категории свободы. Что для вас значит «свобода»? Соня говорит: «Ну смотри. Свобода – это когда тебя ничего не сковывает: ни снаружи, ни внутри. Ты родился на необитаемом острове, и у тебя нет барьеров в голове. Ты никому ничего не должен, все разрешено, никакой морали. Вот это свобода».

– Нет, – говорит Никита, – это не так. Свобода – значит любовь.

Соня такая – «обоснуй». А Никита ей: «Сейчас объясню, что я имею в виду». И объясняет:

– Всем нужна любовь. Все же любят лайки, так? Лайк мы воспринимаем положительно, дизлайк отрицательно. При этом мы не можем думать лишь о любви к себе самим, потому что мы рождены с сочувствием, сопереживанием. Понимаешь?

– Ага...

– Человек рожден, чтобы любить и получать любовь. Это то, что делает его спокойным и счастливым. Любовь – это путь, по которому нужно идти. Следуя этому пути, ты будешь счастлив. И не только ты, все сразу! И, действуя в этой парадигме, ты абсолютно свободен. Злость, лень, грехи, искушения, какие-то неверно понятые жизненные ситуации сковывают тебя и мешают следовать истинному пути. Но если ты избавишься от них, то почувствуешь настоящую свободу.

Никита закончил. А потом добавил:

– Это то, как я воспринимаю христианскую теорию.

Неплохо. Соня не согласна.

Тут наступает моя очередь говорить. Вообще, у меня нет своего мнения по большинству вопросов. Я не думаю впрок. Зачем делать домашнюю работу, которую не задавали? «Надя, что такое свобода?» – о'кей, сейчас придумаем. А Соня и Никита еще так пристально смотрят, как будто я должна их рассудить. Я говорю: «Мне ближе точка зрения Никиты».

Отлично. Что дальше? Почему я так считаю? «Ну я согласна с Соней в том, что грех – это искусственная категория. Но в то же время мне кажется, человек изначально добр. Зло как защитная реакция. Я за мир во всем мире».

Короче, аргументы Никиты мне ближе. К тому же у него очаровательная улыбка. Никита рад. Соня злится: «Ты? Говоришь про мир? Да что ты вообще делаешь для мира?! Продаешь мебель?»

А вот это уже обидно. Я знаю, почему она злится. Не за победу истины она так переживает. Она думает, я клею Никиту: соглашаюсь с ним во всем, говорю про «мир во всем мире», как на конкурсе красоты, в которых я участвовала столько, что впору считать меня глупышкой – сладкой конфеткой. Но Соне не о чем волноваться, она ошибается. Никита мне не нужен. Как она не понимает? Он же ботаник. Зачем мне Никита? Он не посадит меня ночью на ограду закрытого парка. Он не станет кататься со мной наперегонки на велосипеде зимой по замерзшей Неве на рассвете. Он не поможет мне закинуть на концерте лифчик в солиста группы *Yogo-yogo*. Он вообще не пойдет со мной на *Yogo-yogo*. Он же все время учится! Зачем он нужен?

Но Соня не умеет читать мысли. Она все негодует: «Как вы можете говорить про такую вот свободу? Это же надстройка! Это то, чему ты подчинен!» Никита спорит: «Да нет же. Это свободный выбор. Это то, что выше надстроек». Он поворачивается ко мне и говорит: «Именно об этом писал Достоевский в „Братьях Карамазовых“. В главе „Великий Инквизитор“».

Он милый, этот парень. Из школьной программы я помню только, что там был Иисус, был Инквизитор и они разговаривали. Все. Прошу объяснить. Никита все-таки к школе ближе по временной шкале – ему девятнадцать.

– Не помнишь? Правда? Ладно. Суть в том, что, вот, времена инквизиции. И тут появляется Иисус. Не второе пришествие, а просто пришел. Он идет, под его ногами распускаются цветы, слепые прозревают, мертвые оживают. Что делает Великий Инквизитор? Он приказывает посадить в тюрьму его. И тут случается диалог, один из самых крутых в мировой литературе. Вернее, монолог. Инквизитор спрашивает: «Зачем ты пришел нам мешать?»

Никита делает паузу, чтобы прибавить значимости.

– Инквизитор говорит: «Зачем ты пришел? Мы в тебе больше не нуждаемся. Мы сделали людей счастливыми. У нас есть Чудо, Тайна и...» еще что-то. Что же там было... Ладно, не важно... Авторитет! Да, Чудо, Тайна и Авторитет. «Ты отверг их, когда Злой Дух искушал тебя в пустыне, но мы не побрезговали». Помните момент, когда Дух говорит Иисусу: «Ты идешь к людям с обещанием какой-то свободы, которую они не поймут. Возьми лучше камни и преврати их в хлеба, тогда за тобой пойдут люди». Помните?

Я киваю.

– «Или спрыгни с вершины храма. Люди увидят, что ты остался живым, поверят, что ты сын Божий, и пойдут за тобой». Но Иисус не хотел подкупать людей чудом, он оставил им свободу выбора. Тогда Дух, такой, предложил ему взять меч Кесаря и стать царем, но Иисус отверг и его, потому что хотел равенства, а не преклонения, вот. И потом Инквизитор признается, что все эти дары церковь взяла себе. Они заставили людей поверить в чудо, они признали свою власть и не спрашивают с голодного человека добродетелей.

Так Никита минут пять вольно пересказывает Достоевского. В пылу беседы он снимает свитер и случайно стягивает футболку, показав симпатичный пресс. Никита застрял в свитере, и мы не спешим ему помогать, смотрим на него, потом друг на друга и улыбаемся, как непойманые извращенки. Как девушки, у которых полгода была лишь безрезультатная учеба и низкооплачиваемая работа. Когда Никита выпутывается и спрашивает, в чем дело, мы обе хихикаем и отводим глаза.

Вернемся к разговору про церковь. Мне мысли Никиты нравятся, я говорю:

– Мне нравятся твои мысли. Что ты скажешь про нашу церковь? Она ведь... совсем не про то.

– РПЦ? Я думаю, это не та церковь, которая нужна людям.

– Почему?

– Зарабатывают на всякой ерунде, занимаются не пойми чем, власть поддерживают, «Пусси Райот» сажают. Это если вкратце.

– Понятно. Знаешь, в детстве я читала Библию с картинками, такая голубая... у вас, наверное, тоже такая была...

– Ага.

– Я любила ее читать, там много классных сюжетов. Ну так вот, для меня это была книга про волшебного Бога и волшебного парня, который творит чудеса и неясно выражается на устаревшем языке. Чуть позже я прочла «Евангелие для детей» Льва Толстого и поняла, какие крутые идеи излагал Иисус. И еще кое-что поняла. Что с нулевого года ничего не изменилось. Все те же фарисеи совершают свои ритуалы, но уже под крестом Иисуса – великого мыслителя и философа. Такой селебрити-маркетинг. Нельзя было просто так взять и... взять Иисуса себе на вооружение. Как мишку для Олимпиады. Я всегда думала, что лучше бы считать Иисуса человеком, чтобы каждый мог требовать от себя того же. Но нет – никто от себя многого не требует, всем нужно чудо и успех. И люди идут в храм за чудом, за огнем с неба. А каждая церковная лавка – это лавка чудес.

Мы с Никитой посмотрели друг на друга, и между нами проскользнуло что-то: может, взаимопонимание, может, Соня. Две бутылки вина, шутка ли. Свобода, Любовь, Достоевский, Церковь, Иисус – угу. Потом мы с Никитой полчаса спорим, оба раскраснелись. Если вы меня спросите о чем – я не помню. Хорошо, что в конце спора мы понимаем, что мнения-то у нас одинаковые. И такое бывает. Пять часов утра, о чем я думаю?

Потом меняем тему, выходим курить в подъезд и смеемся, уже над чем-то совершенно другим. Спать ложимся все втроем. Руки поверх одеяла. Я не смотрю на часы, чтобы не расстраиваться, что так мало времени осталось поспать. Всегда так делаю.

В итоге на собеседование в восемь утра я встаю с похмелья, но в целом бодро и свежо. В метро пытаюсь вспомнить, чем вообще занимается та фирма, в которую еду. Кажется, подарки. Может, ювелирка? Ювелирные подарки. Посмотрим.

В девять ровно я была только у метро «Новокузнецкая», а навигатор говорил, что пешком еще пятнадцать минут. Я позвонила Марии, сказала, что опоздаю. Она все тем же мужским голосом ответила, что все хорошо, я могу не торопиться, а то придется ее ждать – она сама еще не на работе. Я обрадовалась, свернула не туда, потерялась, запаниковала, два раза обошла какой-то отель, успокоилась. На набережную вышла через полчаса. Там было шумно от машин и Кремль виден как на ладони, через реку и мост. Я стала под указателем навигатора, позвонила Марии. Она спросила: «Что вы видите?» Я видела золотые купола, они везде. «Вы видите колокольню?» Я видела только строительные леса. «Это и есть колокольня! Проходите внутрь». Я прошла под арку мимо строителей, которые при ближайшем рассмотрении оказались непривычно русскими. За аркой был двор, сторожевая будка со шлагбаумом, несколько дорогих автомобилей и... церковь? Да, это церковь. Перед ней ледяные фигуры: женский силуэт (высотой с меня), младенец в люльке, несколько зверей и ангелы – рождественский сюжет. Ладно. Мне, видимо, идти дальше. Вдруг я слышу со всех сторон: «Господипомилуй-господипомилуй-господипомилуй» – это еще что такое? Мария снова звонит: «Я через десять минут освобожусь. Вы можете пока зайти в храм погреться, там сейчас служба». Теперь я поняла, откуда звук – под крышей храма, снаружи, такие маленькие колонки, которые транслируют службу. Вот оно как.

Предложение зайти в храм меня смутило. Последний раз я была в Исаакиевском на экскурсии, но это не в счет. Я не надевала платок. Получается, по-хорошему, последний раз я была в церкви, когда меня крестили. Мне было где-то восемь лет, я ничего не понимала и, ясное дело, не могла сказать «нет, спасибо». Я жила себе дальше со своим крещением – ничего не поделаешь – как ветрянкой переболеть – приятного мало, обратно не вернуть, а в жизни может пригодиться...

Не так уж холодно. Всего минус одиннадцать. Пожалуй, здесь постою.

Я стала ждать у доски объявлений. «Приглашаем молодежь на чаепитие с бабушкой, каждый четверг в 19:00» и сверху картинка с чайником и чашкой, скачанная из интернета. «Пфф», – думаю. Это смешно. Кому придет в голову пить чай с бабушкой? Еще эта рамка от демотиватора. Как-то неловко мне стоять в этом месте. Ладно, успокойся – смотри вокруг. Повертела головой, оценила взглядом машины на парковке, недешевые такие машины. Одна с буквой «Д» на капоте. «Д», думаю я, «Д – значит „Духовность“».

Пока я стояла и слушала бесконечное «господипомилуй», один странный вопрос начал меня мучить. Заходя в церковь, нужно креститься. Зачем не знаю, но, говорят, надо. А входя в церковную лавку? Там ведь тоже есть иконы, так? В Питере я видела бабушек, которые крестятся перед входом в метро. Зачем они это делают?

Мария снова позвонила. «Зайдите во внутренний двор. Сейчас спущусь». Я стояла и вертела головой, искала Марию. В дверях была только миловидная девушка, а я ждала плечистую особу с толстой шеей и короткой стрижкой – вот что может идти в комплекте с мужским голосом.

«Надежда», – обратилась ко мне девушка. Меня передернуло. Это была Мария – моей комплекции, средний рост, узкие плечи. Она повела меня в свой кабинет по металлической лестнице наверх. Я ей сразу понравилась, это было видно. Во-первых, потому, что мы похожи друг на друга, как двойняшки. У меня большие карие глаза и у нее тоже. Светлая кожа. Яркие губы. У нее длинные русые волосы – и у меня. Даже оттенок похож. А, нет, у меня рыжее. Мы зашли в маленький кабинет, узкий, похожий на келью, с компьютерным столом и книжной полкой. Я сняла платок, очки и пальто, заметила, что она тоже отметила наше сходство.

Она села за компьютер, а я рядом. Рассказала про компанию: организована десять лет назад, производство, крупная мастерская за МКАДом, коллектив двести человек, ювелирка качественная – не какой-нибудь там Китай, маржа высокая – предметы религиозного культа не облагаются налогом. А потом добавила: «Только не подумайте, что мы тут круглые сутки молимся. Это не так». Я ответила: «Угу».

Я думала в этот момент: «Не пахнет ли от меня водкой? Или джином? Джин тоже вчера имел место быть».

– Вроде все рассказала, – проконтролировала она себя вслух, судорожно и лениво одновременно. Мне показалось, она тоже не выспалась.

Мария взяла лист А4 с моим распечатанным резюме и начала читать вслух, неинтересные моменты заменяя на «бла-бла-бла». Она удивилась, что я писала диплом по теме «продвижение бренда в интернете». Оно и ясно – таких дипломов в те времена было не много – слишком новаторская тема. Ей понравилось.

Мы немного поговорили о перспективах и о том, чем мне нужно будет заниматься. Я ничего не поняла, а переспрашивать не хотела, так как тоже не прочь была поспать и все силы уходили на то, чтобы делать бодрый вид.

В итоге она сказала, что завтра у меня второе собеседование – с коммерческим директором. Нужно будет ехать в Мытищи к двенадцати. Прибавила, что она взяла бы меня прямо сейчас, но должность в компании новая, и директор должен одобрить.

«Ладно. Поеду. Посмотрю», – подумала я и почувствовала смесь подъема настроения, интереса к жизни и восторга.

Мария проводила меня к выходу и начала рассказывать, как пройти к метро, чтобы я снова не запуталась.

– Так, мы здесь, – она нарисовала палкой на снегу точку, – сначала нужно повернуть направо, потом еще раз направо...

Она рисовала палкой по снегу, а когда снег закончился, перешла на дерево, на воздух, на язык жестов. Это очень развеселило ее, и я тоже стала улыбаться, чтобы не показаться грубиянкой.

Глава 2

– Бизнес при церкви? – отдельно переспросила Соня.
– Да, – подтвердила я. – Странно, что они вообще затеяли какой-то бизнес, ведь у них уже был самый выгодный из возможных.

Соня вслух подумала:

– Они и так гребут немерено.

– Знаю. Может, у них цель собрать алтарь из пачек денег, как в «Брейкинг Бэд»?

Мы сделали теплоактивную маску для волос, которую Соня украла в салоне красоты, за то что ее плохо постригли и обсчитали. Обмотали волосы пакетами и полотенцами и лежим головой к батарее.

– Короче, такой бизнес-план, – начала я. Такими словами мы частенько начинаем разговоры, с тех пор как обломались наши прежние планы. – Под Пасху строим бюджетный храм из веток. Туда набивается народ. Нанимаем актеров на роль священника. Собираем с людей деньги: крестим, венчаем, отпускаем грехи – профит.

Соня кивает:

– На Пасху точно окупится.

– Нет, правда. Почему я не могу так сделать, а кто-то может?

Она пожалала плечами, я поняла это по звуку шуршащего пакета.

– Поеду завтра на второе собеседование, – говорю. – А прикинь, меня возьмут? Буду продвигать в интернете эту контору. Покупать рекламу у всяких пабликов типа «Родина. Царь. Православие».

– Такие существуют? – удивилась Соня.

– Да, я уже видела несколько. И за рекламу они просят немало, как будто сам царь будет ее публиковать.

– А что, если... – потянула Соня, – нам сделать паблик? Заработаем денег.

– Про царя?

– Нет. Ты ведь будешь лазить в этой своей конторе, а она, между прочим, одна из самых крупных, я посмотрела. Наверняка там полно говна всплывет. Интересный контент. Мы будем выгодно отличаться от других пабликов.

– То есть ты мне предлагаешь на работе продвигать бренд, а после работы его задвигать?

– Черный пиар – тоже пиар, – попыталась оправдаться Соня.

– Ладно, – говорю, – меня еще никуда не взяли. Но мне больше нравится идея с храмом.

На следующее утро я снова проснулась с похмелья – «Столичной» осталось полбутылки, нужно было что-то с этим сделать. Поэтому мы снова «дали рок». Снова с Никитой. Никита уехал в универ чуть ли не в семь утра. Я встала позже, меня немного штормило и мутило. Приготовила завтрак для Сони и поехала в Мытищи на электричке. Зачем я делаю завтраки для Сони, если она и сама может? Тут просто так не расскажешь – нужно лирическое отступление. Два года назад в Питере, когда мне было двадцать два, мы с друзьями поехали на Ладожское озеро, и там была Соня. Обычная девушка, похожая в профиль на Ахматову. Она мне сразу понравилась. Если бы мне тогда было что отдать, я бы отдала все, чтобы дружить с ней. Но все, что у меня было, – это съемная квартира, кеды-конверсы, стоптанные под плоскостопие, пачка сигарет и мои вечные панические атаки. Она плавала и играла в пляжный волейбол, такая красивая в черном купальнике, а я нырнула прямо в шортах, футболке и вернулась на берег. Зачем я на нее смотрю? Я стою на берегу, слежу за ней, думаю «какая же ты красивая» и боюсь о чем-то заговорить. Мокрая одежда аплодирует мне на ветру. Аплодирует моей смелости и браваре.

Соня дружила с ребятами из коммуны на Лиговском, где стены расписаны стихами и лозунгами. Акционисты, медиахудожники, активисты, социологи, философы. Поэты, которых вы никогда не узнаете, пока ваши внуки не станут учить их стихи на уроках литературы. Вот увидите, станут. А вы им будете помогать, потому что это, так скажем, не самые легкие для заучивания стихи. Ребята из коммуны участвовали во всех этих околополитических штуках: митинги, акции, хепенинги, перформансы, монстрации. Эти люди, о которых вы, может быть, слышали, но, скорее всего, они имеют полное право поприветствовать вас главным лозунгом оппозиции, фразой, которую придумал один из них: «ВЫ НАС ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.